

МАГИЧЕСКИЕ РИТУАЛЫ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ПЕПЛА В КИТАЙСКОЙ И ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОЙ ТРАДИЦИОННЫХ КУЛЬТУРАХ

В статье рассматриваются архаичные ритуалы с использованием пепла, характерные для китайской и восточнославянской традиционных культур и связанные с выпиванием воды, в которой растворен пепел от сожженных китайских талисманов и сакральных текстов. Приводятся соответствующие языковые, книжно-литературные и этнокультурные материалы.

Ключевые слова: пепел, семантика, символика, талисманы, заговоры, ритуальное использование.

MAGICAL RITUALS USING ASHES IN CHINESE AND EAST SLAVIC TRADITIONAL CULTURES

The article deals with archaic rituals using ashes, characteristic of Chinese and East Slavic traditional cultures and associated with drinking water in which the ashes of burned Chinese talismans and sacred texts are dissolved. The corresponding linguistic, book-literary and ethno-cultural materials are given.

Key words: ashes, semantics, symbolism, talismans, conspiracies, ritual use.

Сакрализация пепла – легкой пылевидной серой массы, остающейся от чего-либо сгоревшего, сожженного, – обусловлена, с одной стороны, перенесением на него свойств сожженных предметов, а с другой – соотносённостью пепла со сферой смерти и с зарождением новой жизни. Сравн.: кит. ту хуэй 土灰 (пепел земли) ‘прах, тлен’; ‘тело умершего’ [5, с. 98]; хуэй ме 灰滅 (заглушать пепел) ‘уничтожить дотла; превратить в прах’ ‘пропасть, погибнуть, умереть’ [6, с. 797]; хуэй мо 灰没 ‘пропасть, сгинуть’; ‘погибнуть, пойти прахом, превратиться в прах’ [6, с. 797]; хуэй фэй янь ме 灰飞烟灭 (пепел разлетелся, дым развеялся) ‘и следа не осталось’; ‘полностью исчезнуть’; ‘как и не было’ [9, с. 190]; рус. обратить в пепел ‘уничтожить, сжечь дотла’ [8, с. 791), диал. сгореть на пепел ‘сгореть дотла’ [21, с. 348].

В русских народных сказках для характеристики окончательного, полного уничтожения опасного противника, его окончательной «дематериализации» после физического уничтожения и сожжения используются фразеологизмы развеять пепел по ветру [13, с. 250], пепел пустить по ветру [13, с. 305], пепел развеять по чистому полю [14, с. 278].

Противоположную (жизнеутверждающую) семантику реализуют чэньюй сы хуэй фу жань 死灰复燃 (повторное возгорание мертвого пепла) ‘возрождение’ [29, с. 827] и русский фразеологизм подняться, восстать (возродиться) из пепла ‘возродиться после пожара, разрушения’, происхождение которого связано с древнеегипетским мифом о священной птице Феникс, сжигавшей себя в старости на костре и вылетающей из пепла юной [3, с. 522].

Вместе с тем, устойчивые словосочетания, включающие в свой состав компоненты 灰 / пепел / зола, нередко (особенно в китайском языке) соотносятся с комплексом негативных психологических и морально-этических характеристик и состояний: кит. хуэй ань 灰暗 ‘серый, мрачный, темный’; ‘омрачаться, темнеть,

хмуриться»; диал. хуэй люлю 灰溜溜 ‘понурый, унылый’; ‘обескураживающий, разочаровывающий’; диал. хуэй ся 灰下 ‘незадача; не везёт; беда!; плохо дело’; диал. хуэй ши 灰事 ‘пропащее дело’; ‘пустое предприятие’ [6, с. 796]; хуэй се 灰色 ‘инертный, разочарованный; ‘унылый; ‘пессимистический; пасмурный, неприветливый, мрачный (об отношениях)’; хуэй син 灰心 (пепельное сердце) ‘унылое (упадочное, мрачное) настроение’; ‘потерять веру (надежду), пасть духом’ [6, с. 797]; 寒心 (остывший пепел) ‘душа, утратившая чуткость’; ‘равнодушие’ [7, с. 1050]; рус. посыпать пеплом голову ‘предаться крайней скорби, печали по случаю какой-либо утраты, бедствия’ [8, с. 791]; диал. зола-парень, зола едучая ‘вздорный, придирчивый человек’ [20, с. 327]. Сравн. аналогичное развитие семантики в русском прилагательном серый: ‘цвета пепла, дыма’ → ‘пасмурный, тусклый’ → ‘ничем не примечательный; бесцветный, безликий’ → ‘необразованный, малокультурный’ [8, с. 1180].

Вполне закономерно, что пепел как субстанция, соотносящаяся со сложным комплексом представлений о самом человеке, в обеих культурных традициях обладает статусом сакрализованного предмета.

Среди многочисленных китайских ритуалов, направленных на защиту человека от воздействия враждебных демонических сил и болезней, особое место занимает ритуальное питье воды, в которой растворен пепел предварительно сожженного даосского амулета фучжоу 符咒.

Сами амулеты, получившие распространение в Китае еще в начале нашей эры, представляют собой «специфические графические фигуры, в которых можно усмотреть стилизованные особым образом иероглифы и астральные символы – контуры различных созвездий, почитавшихся даосами» [16, с. 55]; это – «причудливое соединение нескольких иероглифов, куда добавлялись астрологические элементы» [23, с. 18].

Более ста лет назад основоположник российской и советской синологии В. М. Алексеев, обстоятельно описавший в одной из своих работ китайские заклинательные выражения, отмечал, что «талисманные письма и графические заклинания <...> представляют из себя произвольно прихотливые изломы и извивы черт, входящих в состав китайских знаков, самые знаки и, наконец, символы звезд, влияющих на судьбу человека». В качестве примера ученый приводил талисман, в котором при внимательном рассмотрении обнаруживаются «всяческими способами прихотливо замаскированные знаки лэй 雷 (гром) и гуй 鬼 (бес)» [1, с. 2] (рисунок 1).

В даосском «талисмানে императора» [28, с. 79] (при традиционном прочтении его сверху вниз и справа налево) (рисунок 2) выявляется не только стилизованное изображение иероглифа ди 帝 (император), но и весьма значимые для верховной императорской власти символы, обозначающие трех легендарных властителей сань хуан 三皇, небесную энергию ци 气 – воплощение божественной воли, великое первоначало Тай-и 太一, указывающее на неповторимость, исключительность, «богоизбранность» императора.

Более «прозрачную» символику имеет талисман, используемый как средство противодействия различным заболеваниям, наступающим во время праздника Дуань-у 端午 – Дня двойной пятерки (рисунок 3), который совпадает с наступлением в Китае летней жары [28, 192 页.]. В этом талисмани прежде всего

выделяется иероглиф ли 力 ‘сила, мощь’, шестикратное повторение которого подчеркивает не только его «физическую составляющую», но и магическую значимость, поскольку в традиционной китайской нумерологии цифра «шесть» обладает позитивной «янской» энергией. Апотропейная значимость названных символов отчетливо противопоставлена в рассматриваемом талисмане знаку, стилизованно представляющему иероглиф гуй 鬼 ‘призрак’, ‘злой дух’, ‘черт’, что отчетливо указывает на защитные функции данного амулета.

Рис. 1
Обереговый
талисман

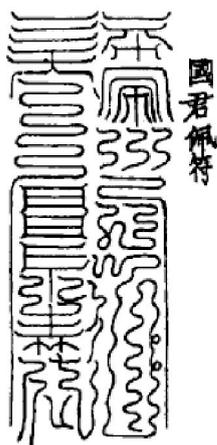

Рис. 2
Талисман
императора

Рис. 3
Талисман в день
Дуань-у 端午

Рис. 4
Талисман
глотания

Рис. 5
Цзягувэнь

Рис. 6
Чжуаньшу

Рис. 7
Цаошу

Можно предположить, что графика даосских заклинательных талисманов фучжоу 符咒 могла испытать влияние древних иероглифических надписей для гадания цзягувэнь 甲骨文 (рисунок 5). По замечанию Е. А. Кравцовой, «использование письменности в процедуре гадания означало наделение ее особым сакральным смыслом, способностью быть посредником между людьми и высшими

силами». В свою очередь, одухотворение «протоиероглифов» не могло не оказать влияния на возникновение даосских талисманов: «Вера в магические свойства иероглифики сохранялась в Китае на всем протяжении его истории, вызвав к жизни практику создания графических амулетов, заклинательных и охранительных надписей» [11, с. 522]. Написание талисманов фучжоу 符咒 могло быть сориентировано на письменный стиль чжуаньшу 篆书, используемый в настоящее время лишь при изготовлении китайских печатей (рисунок 6), либо на скорописный «безотрывный» стиль цаошу 草书 (небрежное письмо) (рисунок 7).

Очевидно, что загадочность и необычность начертаний, помещенных на талисманах фучжоу 符咒, их, как замечал В. М. Алексеев, «произвольно прихотливые изломы и извивы черт» призваны усилить магическое воздействие амулетов на реципиента.

Характеризуя даосские амулеты, Чарльз Уильямс использовал устойчивое словосочетание шао хуэй дунь фу 烧灰吞符 (талисман проглоченного пепла) для обозначения сакрального текста, который «состоит из заклинания против демонов, написанного на желтой бумаге; ее сжигают, пепел смешивают с водой и глотают» [23, с. 16]. Пепел от сожженного талисмана могли растворять и в другой жидкости: «Бумажные амулеты против болезней также подвергают огню, пепел растворяется в вине или чае ради исцеления или изгнания духов» [23, с. 454].

Современный китайский исследователь Лю Сяомин приводит образец особого «талисмана глотания», который «предназначается для проглатывания при лечении болезней» (рисунок 4). При этом он называет два основных способа «приема вовнутрь» этого талисмана: «один из них – раскатать талисман в виде таблетки и проглотить ее с жидкостью; другой – сжечь его и пепел запить водой» [28, с. 70].

В популярной китайской «Энциклопедии Байду» сущность даоцзяо фучжоу 道教符咒 (даосских заклинательных талисманов) поясняется следующим образом: «Талисманы – одно из основных средств, используемых китайским даосизмом для проповедей и практики. Так называемый талисман – это комбинация самого талисмана и заклинания. Талисман относится к таинственному изображению, которое сочетает в себе точки и линии, объединяет символы и картинку с преобладанием изгибающихся штрихов. Сторонники даосизма утверждают, что у талисманов много функций: изгнание призраков и духов, лечение болезней и борьба с бедствиями. «Заклинание», являющееся формулой со специальным звуковым эффектом, широко используется в даосизме для укрепления здоровья, молитвы о благословении и устранении бедствий, а также вызова призраков и духов для достижения особых целей практикующего» [27].

Лю Сяомин отмечает также, что для усиления магического воздействия талисманов, написанных киноварью (красной краской) на желтой бумаге, необходимо не только «проглотить с водой после того, как они сгорели дотла», но и при этом «триста раз произнести фразу Тай-и спасает страждущего Тяньцзуна» [28, с. 216].

В традиционном мировоззрении даосов слово Тай-и 太 – (Великий единственный) наделяется глубоким сакральным смыслом: во-первых, это и звезда, и дух этой звезды; кроме того, Тай-и – это «отец дао, предшествующий небу и земле, находящийся над всеми девятью небесами; некое первоначальное дыхание, дающее

миру и всем существам жизнь» [17, с. 599]. Талисман с заклинанием, в котором упоминается Тай-и, мог быть значимым подарком для новорожденного: «На желтом шелковом талисмানে, предназначенном для избавления от нечисти, выделялись красные знаки, гласившие: Покровитель судьбы дух Тай-и, даруй здоровье и согласие» [25, с. 369–370].

Можно предположить, что апотропейная символика пепла в китайской культуре могла сформироваться под влиянием широко известной легенды о том, как богиня-прародительница Нюй-ва 女媧 использовала пепел, защищая людей от смертельной опасности: «Она поймала на Центральной равнине черного дракона, долгое время творившего зло, и убила его. Она изгнала злых и хищных зверей и птиц, пугавших людей. Потом сожгла тростник, сгребла пепел в кучи и преградила дорогу потопу. Великая Нюйва избавила своих детей от бедствий и спасла их от полной гибели» [26, с. 52].

Согласно традиционным китайским верованиям, особой магической значимостью обладает пепел от курительных свечей, сожженных у норы лисицы, почитаемой в качестве благодетельного духа: «Если в холме, в особенности в древнем кургане, нора, – значит, тут и живет чудотворная лисица. Стоит только кому-либо увидеть прячущуюся здесь лису, как сейчас же является целая толпа религиозно настроенных людей с зажженными курительными свечами в руках, пришедших просить денег, исцеления и т. д. Пепел от сожженных свечей завертывают в бумагу, приносят домой и съедают сами или же дают больному» [2, с. 68].

Специфическую обереговую роль выполнял в практиках даосов «талисман защиты плода»: беременные женщины, опасаясь преждевременных родов, «по соображениям безопасности, если они чувствуют небольшую боль в животе перед полнолунием, они просят даосов нарисовать талисман защиты плода и сжечь пепел, чтобы растворить его в воде и пить ее» [28, с. 217].

Аналогичный ритуал – питье воды с растворенным в ней пеплом от сожженной бумаги, на которой был написан сакральный текст, или от сожженного сакрализованного предмета – известен и в традиционной культуре восточных славян. Так, белорусский этнограф XIX века А. Е. Богданович указывал на широкое распространение в народной среде представления о неотвратимости воздействия на человека проглоченных «магически заряженных» хлеба или воды: «Кто проглотит «нашептаный» хлеб, воду, тот, полагают, проглатывает и самые слова. Если написать заговор на бумаге и проглотить ее самое или, сжегши, проглотить пепел, результат будет одинаков: слова или вселяют в человека боль, или вытесняют ее, смотря по тому, какие это были слова» [4, с. 37]. Украинцы «больных от испуга поили пеплом от сожженного старого решета». Чехи «больного эпилепсией измеряли ниткой, которую затем сжигали и давали выпить пепел с водой во время припадков» [15, с. 668]. Русский заговор «От волоса» (волос ‘нарыв на пальце’ [10, с. 235]) (Волос, ты волос, выйди на ржаной колос раба Божия (имя) либо на пепелицу, либо на теплую водицу!) необходимо было прочесть 39 раз и рану при этом поливать водой, в которой была растворена зола [12, с. 42].

Ритуальное питье подобной «магически заряженной» воды регулярно практиковалось русскими для профилактики и излечения от такой смертельно опасной болезни, как лихорадка. Например, в качестве своеобразного аналога китайских

талисманов может быть рассмотрен написанный на бумаге текст заговора из Архангельской губернии от лихорадки: «Молитву вторую напиши на бумаге, которую, когда болящий вносит три дня, сжечь и тот пепел выпить, растворив святою водою» [19, с. 362].

В подобных случаях могла использоваться также вода, взятая из места слияния двух рек. Над такой водой произносился заговор, записанный на бумаге, после чего бумага сжигалась: «Молитву сожги и пепел в воду опусти и молитву три раза над водою прочитай, а в конце молитвы три раза сказать: «И во веки веков. Аминь. Аминь. Аминь». Воду пить и умываться» [18, с. 689].

В Воронежской губернии с этой же целью использовались сугубо церковные тексты: «Слова из Евангелия писали на клочке бумаги таким образом, чтобы они были вписаны в крест, образованный четырьмя крестами. Потом бумагу сжигали и пили пепел с благовещенскою водою» [18, с. 384].

В традиционной китайской культуре растворенный в вине пепел, оставшийся от сожженной мужской шапки, осмыслялся как магическое средство, способное оказать благотворное влияние на судьбу новорожденного: «Если беременная на третьем месяце в 25-й день возьмет мужскую шапку, сожжет ее, пепел размешает в вине и все это выпьет, то родившийся ребенок будет богатым, знатным и талантливым» [22, с. 91].

Мотив ритуального питья воды с растворенным в ней пеплом от сожженных сакрализованных предметов встречается в китайских художественных текстах. При этом цели такого ритуального действия могли быть разными. Так, вода с растворенным в ней пеплом от сожженной плаценты рекомендовалась для бездетной женщины в качестве средства, обеспечивающего зачатие:

«Вам бы, матушка, сыном обзавестись, – посоветовала монахиня, – ваш сын стал бы дороже всех иных. Смотрите, давно ли матушка Шестая в доме, а уж сына обрела. И как она счастлива!» – «Будь на то наша воля! Каждому свой жребий». – «Ничего подобного! – возразила монахиня. – Есть у нас наставница – мать Сюэ. Как она наговорной водой пользуется! Помнится, у начальника Чэня жена уж в годах была, а одни выкидыши. Ну никак доносить не могла. И стоило ей принять воду наговорную от матери Сюэ, такого красавца родила, что весь дом ликует от радости. Только для этого потребуется одна вещь, а ее раздобыть нелегко». – «Что же это такое?» – поинтересовалась Юэнян. – «Нужно детское место после мальчика-первенца. Его следует промыть в вине и сжечь, а пепел всыпать в наговорную воду и принять в день жэнь-цзы. Только никто не должен знать. А чтоб злые духи не повредили, принять надобно натошак с рисовым вином. Еще необходимо будет твердо помнить день, потому что ровно через месяц – ни днем раньше, ни днем позже – свершится зачатие» [25, с. 384].

Для разжигания угасающего любовного чувства странствующий знахарь сообщает Пань Цзиньянь – одной из жен Симэнь Цина, главного героя романа «Цзинь, Пин, Мэй» – о магическом использовании пепла от «приворотного» талисмана:

«Благодарю вас, наставник, – выслушав слепца, проговорила Цзиньянь, – вы так усердно мне растолковывали. А теперь, будьте добры, поворожите. <...> Ничего не прошу, только отгоните от меня злых людей, чтобы муж меня

уважал и любил». – «Для ворожбы надобен кусок ивы. Я вырежу из него фигурки мужчины и женщины. Напишу на одной ваши знаки, на другой – вашего супруга, потом свяжу их красными шелковыми нитями числом семью семь – сорок девять, покрою глаза мужской фигурки лоскутом красного шелка, набью сердце полынью и проткну руки иглами, оклею смолою ноги. Вы тайком положите фигурки под подушку. Потом киноварью напишу талисман и предам огню, а вы незаметно подсыпьте пепел мужу в чай. Выпьет он этот чай, ляжет на ту подушку и не пройдет трех дней, как проявится сама собой сила ворожбы» [24, с. 271].

Приведенный материал дает наглядное представление о существовании как в китайской, так и в восточнославянской традиционных культурах устойчивых представлений о ритуальном использовании пепла (в том числе и растворенного в воде) от сожженных сакральных предметов и текстов в обереговой и продуцирующей сферах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев, В. М. О некоторых главных типах китайских заклинательных изображений по народным картинам и амулетам / В. М. Алексеев // Записки восточного отделения Императорского русского археологического общества. Том двадцатый. 1910. – С.-Пб. : Типография Императорской академии наук, 1912. – С. 1–76.
2. Алексеев, В. М. В старом Китае. Дневники путешествия 1907 г. / В. М. Алексеев ; [предисл. акад. В. В. Струве и В. М. Штейн]. – М.: Изд-во вост. лит., 1957. – 312 с.
3. Бирих, А. К. Русская фразеология: историко-этимологический словарь: ок. 6000 фразеологизмов / СПбГУ; Межкаф. словарный каб. им. Б. А. Ларина; под ред. В. М. Мокиенко / А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Астрель: АСТ: Люкс, 2005. – 926 с.
4. Богданович, А. Е. Пережитки древнего мирозерцания у белорусов: Этнографический очерк / А. Е. Богданович. – Гродно, 1895. – 187 с.
5. Большой китайско-русский словарь: В 4 т. / Под ред. проф. И. М. Ошанина. – М.: Наука, 1983. – Т. 2. – 1102 с.
6. Большой китайско-русский словарь: В 4 т. / Под ред. проф. И. М. Ошанина. – М.: Наука, 1984. – Т. 3. – 1106 с.
7. Большой китайско-русский словарь: В 4 т. / Под ред. проф. И. М. Ошанина. – М.: Наука, 1984. – Т. 4. – 1062 с.
8. Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб.: «Норинт», 2000. – 1536 с.
9. Готлиб, О. М. Китайско-русский фразеологический словарь. Около 3500 выражений / О. М. Готлиб, Му Хуаин. – 2-е изд., стереотип. – Иркутск : Изд-во ИГУ, 2019. – 596 с.
10. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. – Т. 1: А–З. – М.: Рус. яз., 1978. – 699 с.
11. Кравцова, М. Е. Цзягувэнь / М. Е. Кравцова // Духовная культура Китая : энциклопедия : в 5 т. / гл. ред. М. Л. Титаренко ; Ин-т Дальнего Востока. – М.: Вост. лит., 2008. – Т. 3 : Литература. Язык и письменность. – С. 521–522.
12. Майков, Л. Н. Великорусские заклинания / Л. Н. Майков. – СПб.: Типография Майкова, 1869. – 164 с.

13. Народные русские сказки А. Н. Афанасьева. В трех томах. Том I. Издание подготовили Л. Г. Бараг и Н. В. Новиков. – М.: Изд-во «Наука», 1984. – 512 с.
14. Народные русские сказки А. Н. Афанасьева. В трех томах. Том III. Издание подготовили Л. Г. Бараг и Н. В. Новиков. – М.: Изд-во «Наука», 1985. – 495 с.
15. Плотникова, А. А. Пепел // А. А. Плотникова // Славянские древности. Этнолингвистический словарь. – Т. 3. – М., 2004. – С. 666–670.
16. Путь золота и киноvari: Даосские практики в исследованиях и переводах Е. А. Торчинова. – СПб.: Азбука-классика; Петербургское Востоковедение, 2007. – 480 с.
17. Рифтин, Б. Л. Тай-и / Б. Л. Рифтин // Духовная культура Китая : энциклопедия : в 5 т. / гл. ред. М. Л. Титаренко; Ин-т Дальне-го Востока. – Т. 2 : Мифология. Религия / ред. М. Л. Титаренко [и др.]. – М.: «Восточная литература», 2007. – С. 599–600.
18. Русские заговоры из рукописных источников XVII – первой половины XIX в. / Составление, подготовка текстов, статьи и комментарии А. Л. Топоркова. – М. : Издательство «Индрик», 2010. – 832 с.
19. Русский народ: Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия / Собр. М. Забылиным. – М.: Автор, 1992. – 607 с.
20. Словарь русских народных говоров. Выпуск одиннадцатый (Зароситься – Зубрѣнка). – Л.: Изд-во «Наука», 1976. – 363 с.
21. Словарь русских народных говоров. Выпуск двадцать пятый (Отчурить – Первачок). – Л.: Изд-во «Наука», 1990. – 352 с.
22. Тайные предписания для нефритовых покоев // Китайский Эрос. Под. ред. А. И. Кобзева. Научно-художественный сборник. – М.: OCR Палек, 1998. – С. 84–94.
23. Уильямс, Ч. Китайская культура: мифы, герои, символы / Пер. с англ. С. Федорова / Ч. Уильямс. – М.: ЗАО Издательство Центр-полиграф, 2011. – 478 с.
24. Цзинь, Пин, Мэй, или Цветы сливы в золотой вазе: Роман. В 4-х т.: Пер. с кит. / Пер. В. С. Манухин и др.; Сост. и отв. ред. А. И. Кобзев; Вступит. ст. Д. Н. Воскресенского, О. М. Городецкой, А. Д. Дикаре-ва и др.; Прим. Д. Н. Воскресенского, О. М. Городецкой, В. С. Манухина [и др.]. – Иркутск: Уллис, 1994. – Т. 1. – 448 с.: илл.
25. Цзинь, Пин, Мэй, или Цветы сливы в золотой вазе: Роман. В 4 т.: Пер. с кит. / Пер. В. С. Манухин и др.; Сост. и отв. ред. А. И. Кобзев; Ста-тья и переводы в приложении Д. Н. Воскресенского; Прим. Д. Н. Воскресенского, О. М. Городецкой, В. С. Манухина [и др.]. – Иркутск: Улисс, 1994. – Т. 2. – 512 с.: илл.
26. Юань, Кэ. Мифы древнего Китая. Пер. с кит., послесловие Б. Л. Рифтина. Худож. Л. П. Сычев / Юань Кэ. – М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1987. – 527 с.
27. 道教符咒_百度百科 = Даосские чары – Энциклопедия Байду [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://mr.baidu.com/r/NoZleXvWzC?f=wf&u=454fd5c171d97aa8>. Дата доступа: 07.08.2022.
28. 刘晓明. 中国符咒文化研究. – 北京: 中央编译出版社, 2013, 412 页。 = Лю, Сяо-мин. Исследование культуры китайских заклинаний. – Пекин: Центральное издательство компиляции и переводов, 2013. – 412 с.
29. 汉语成语词典 / 何平主编。 — 成都: 电子科技大学出版社, 2004 年。 - 1142 页。 = Словарь китайских идиом. Главный редактор Хэ Пин. – Чэнду: Университет электронных наук и технологий, 2004. – 1142 с.